

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ВОТЧИННОЙ МАНУФАКТУРЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКИХ МАНУФАКТУР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА)

А. М. Карпачев

В дискуссии, ведущейся в советской исторической литературе о характере русской дореформенной мануфактуры, затронут ряд проблем, непосредственно относящихся к развитию промышленности и в других странах, особенно таких, в которых вызревание капитализма представляло собой затяжной процесс, совершавшийся в условиях длительного господства крепостничества.

В настоящей статье мы хотим остановиться на одной из таких проблем — на выяснении характера, или, точнее, социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры. Для освещения этой проблемы в статье используются материалы по четырем крупным вотчинным предприятиям Белоруссии, принадлежавшим известным магнатам — князьям Радзивиллам: суконной фабрике в Несвиже, фабрике шелковых поясов в Слуцке, стекольному заводу-гуте в селе Налибокки и зеркальной фабрике в местечке Уречье.

Выбор указанных предприятий для выяснения экономического строя вотчинной мануфактуры объясняется тем, что по ним мы располагаем наиболее полными данными, относящимися ко второй половине XVIII в., то есть ко времени, когда Белоруссия находилась еще в составе Речи Посполитой. А изучение белорусской вотчинной мануфактуры именно в период, когда экономика Белоруссии еще не подверглась непосредственному активному воздействию более развитой экономики России, несомненно, представляет наибольший интерес для решения указанной выше проблемы.

В литературе по истории Белоруссии отсутствуют исследования и даже публикации документов, посвященных вотчинным мануфактурам XVIII века. Поэтому для характеристики названных предприятий привлекается в качестве основного источника фонд князей Радзивиллов, находящийся в государственном архиве Минской области: Несвижской суконной фабрики — приходо-расходная ведомость за время с 9 октября 1765 г. по 1 июня 1767 г.¹; Слуцкой персидской фабрики — ведомость расходов на материалы и другие предметы 1760 г.²; Налибокского стекольного завода — отчет управляющего об оплате рабочих и служащих и о находящихся в их пользовании участках земли 1765 г.³; Уречской зеркальной фабрики — тариф денежной оплаты и ординария, выдаваемых рабочим и служащим за 1745 г.⁴, и приходо-расходная ведомость кассы за время с 1 августа 1795 г. по 1 августа 1796 года⁵. Все эти материалы переведены на русский язык с польского, на котором они написаны.

В дополнение к этим источникам привлекаются еще и некоторые дру-

¹ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 4968.

² Там же, д. 4997.

³ Там же, д. 9734.

⁴ Там же, д. 9003.

⁵ Там же, д. 9761.

гие архивные документы, а по Несвижской и Налибокской мануфактурам дополнительно используются данные, содержащиеся в изданных недавно работах польских исследователей мануфактурного производства — В. Куля⁶ и Б. Смоленской⁷.

Чтобы иметь возможность делать какие-либо общие выводы о социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры на примере указанных предприятий, необходимо предварительно выяснить, что представляли они собой в отношении размера, организации труда, реализации изготавливаемой продукции, источников получения сырья, состава рабочих и способа их эксплуатации.

Характеристика предприятий по размерам их производства (по материалам, которыми мы располагаем) может быть дана лишь приблизительная по стоимости производимой ими продукции и по числу занятых на них рабочих.

О размере производства Несвижской мануфактуры известное представление дает указанный в ее приходе-расходной ведомости за время с 9 октября 1765 г. по 1 июня 1767 г. «приход денег», в общей сумме 13 054 злотых 4 гроша (польских). Кроме этого, в конце ведомости показана еще «прибыль казне» в сумме 1 042 злотых. Следовательно, за год денежные поступления от производства этого предприятия составляли около 8—9 тыс. злотых. Если учесть, что стоимость продукции, поступавшей на удовлетворение потребностей княжеского двора в первые три года существования мануфактуры (1752—1755), намного превышала стоимость продукции, выходящей за пределы вотчинного хозяйства⁸, то для определения стоимости всей продукции, производимой мануфактурой за год в конце 60-х годов XVIII в., указанную сумму надо будет значительно увеличить.

Постоянных рабочих, занятых на Несвижской мануфактуре в основном производстве, в первые годы ее существования было 57 человек⁹. По некоторым данным приходе-расходной ведомости 1767 г., о которых будет сказано ниже, видно, что к этому времени число постоянных рабочих на мануфактуре увеличилось. Кроме этих рабочих, на мануфактуре еще были люди, выполнявшие различные работы вспомогательного характера.

Примерно такое же число рабочих имелось во второй половине XVIII в. и на Слуцкой персидской фабрике, производившей в основном специальные шелковые пояса. Конкретными данными о числе рабочих и количестве станков на этом предприятии Радзивиллов мы располагаем только по сведениям, данным о нем его арендатором Яном Мадзарским уже в 1807 году¹⁰. Тогда на нем имелось 24 станка, но работали только 12, причем, считая по 2 человека у станка, имелось всего постоянных рабочих 29 человек. Было указано, что до «революции», то есть до второго раздела Речи Посполитой, на этом предприятии велась работа на всех 24 станках, следовательно, работало около 50 человек.

Не уступала, видимо, она Несвижской мануфактуре и по стоимости производимой продукции. Об этом убедительно свидетельствует то, что по договору о сдаче в аренду мануфактуры ее управляющему Яну Мадзарскому в 1776 г. последний должен был платить владельцу за пользование фабрикой с находящимися при ней учениками 10 тыс. злотых в год¹¹. Ясно, что стоимость продукции мануфактуры должна была намного превышать эту сумму.

⁶ W. Kula. Szkiecy o manufakturach w Polsce XVIII wieku, cz. I. Warszawa. 1956. Очерк «Manufaktura sukienna Radziwiłłów w Nieswieżu».

⁷ B. Smoleńska. Materiały do dziejów huty szklanej w Nalibokach, z wieku XVIII. «Teki archiwalne». T. I, 1953.

⁸ W. Kula. Указ. соч., стр. 60.

⁹ Там же, стр. 51—54.

¹⁰ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 89.

¹¹ Там же, л. 15.

Производимая стекольными мануфактурами Радзивиллов продукция заметно превышала стоимость продукции мануфактур, вырабатывавших сукно и шелковые пояса. В конце 30 — начале 40-х годов стоимость продукции Налибокского стекольного завода, шедшая на продажу и потребности княжеского двора, колебалась от 22 до 29 тыс. злотых. Стоимость продукции, произведенной в 60—70-х годах, неизвестна, однако есть основания считать, что она несколько уменьшилась по сравнению с предыдущими годами¹².

Постоянных рабочих на Налибокской мануфактуре в 1765 г. насчитывалось 48 человек.

О стоимости продукции Уречской зеркальной мануфактуры имеются данные, относящиеся лишь к 1795—1796 годам. С 1 августа 1795 г. по 1 августа 1796 г. приход денег «за разную продажу» изделий фабрики со склада и за выполнение работ «посторонним» составил 231½ тыс. злотых. Учитывая, что рабочих на этой мануфактуре в 1745 г. насчитывалось 67 чел. и еще несколько женщин-«наждачниц», а в 1795—1796 гг. только 52 чел., можно полагать, что стоимость ее продукции в середине XVIII в. не уступала стоимости продукции 90-х годов.

При всей ограниченности приведенных данных они достаточно ясно показывают, что рассматриваемые предприятия являлись для того времени, когда господствовало ремесленное производство и домашние промыслы, крупными промышленными заведениями.

На этих предприятиях наблюдается и отличная от ремесленных мастерских организация труда. На Несвижской мануфактуре в 60-х годах XVIII в. процесс подготовки шерсти к тканию и самого тканья сукна был разделен между чесальщицами шерсти, прядильщицами и ткачами. Изготовленное грубое сукно затем обрабатывалось особыми мастерами — стригачами, сукновалами и красильщиками.

Об организации труда на Слуцкой мануфактуре можно судить лишь по описанию ее в 1807 году¹³. На этом предприятии подавляющее большинство рабочих было связано с работой ткацких станков. Они делились на непосредственно работавших на станках и «тягальщиков». Из остальных немногих рабочих, занятых в основном производственным процессе, каждый выполнял особые функции: один «связывал цветы», другой «набирал основу», третий «наматывал катушки».

Сложности производственного процесса на стекольных мануфактурах соответствовало и большое его дробление на отдельные специальные операции. В отчетной ведомости Налибокского завода за 1765 г. рабочие, занятые непосредственно производством стекольных изделий, делятся на такие специальности: гутники, шлифовщики, рисовальщики (*rysownik*), мастер по изготовлению «листов». Специализация на определенных видах работ существовала также в процессе подготовки материалов к выделке стекла и в обслуживании заводских печей. Здесь указываются поташники, размельчающий глину, размельчающий «смесь», истопники, возчик дров и ухаживающий за лошадьми. Из трех столяров, работавших на мануфактуре, один был занят специально изготовлением ящиков.

Еще большая специализация производственного процесса отмечается на Уречской зеркальной фабрике. В ее «тарифе» 1745 г. рабочие, объединенные под общим названием гутников, подразделяются по различным выполняемым ими работам на 8 специальностей; наряду с шлифовщиками указываются еще полировщики, делящиеся также на три различные категории.

Таким образом, всем описанным предприятиям было присуще, в большей или меньшей мере, довольно четко выраженное разделение труда, причем оно имело не только на основных, но даже и на некоторых вспомогательных работах.

¹² В. Smoleńska. Указ. соч., стр. 85.

¹³ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 89.

Используемый нами материал дает определенное представление также и о том, куда шла производимая предприятиями продукция, откуда они получали сырье и различные вспомогательные материалы для производства.

Как видно из прихода-расходной ведомости Несвижской мануфактуры, значительная часть ее продукции выходила за пределы вотчинного хозяйства: за время с 9 октября 1765 г. по 1 июня 1767 г., согласно ведомости, было продано различных сукон на сумму 1 390 злотых, причем большая половина этих материалов была отпущена в кредит. Помимо продажи готового сукна, Несвижская мануфактура производила за плату по заказу разных лиц стрижку и валяние самодельных сукон, окраску сукон и шерстяной пряжи. В указанной ведомости отмечено производство таких работ на 2 360 злотых.

В какой мере Несвижская мануфактура в конце 60-х годов XVIII в. обслуживала потребности вотчинного хозяйства и в какой она работала для покупателей и заказчиков со стороны, по этой ведомости определить нельзя, так как в ней не раскрыты источники основных приходных сумм, поступивших «от Несвижской аренды» и затем выплаченных по различным квитанциям (9 055 злотых из общей приходной суммы — 13 054 злотых), а также не указана продукция, взятая на нужды княжеского двора. Известно лишь, что в первые годы существования этой мануфактуры стоимость продукции, потреблявшейся княжеским двором, значительно превосходила стоимость продукции, выходившей за пределы вотчинного хозяйства, причем работа на заказ преобладала над производством на рынок¹⁴.

Следует отметить, что владелец мануфактуры уделял большое внимание увеличению рыночного сбыта продукции. Об этом свидетельствуют неоднократные его напоминания управляющему предприятием об улучшении качества продукции, учитывая потребности покупателей, и принуждение купцов, проживавших в принадлежавших ему городах, покупать сукна только Несвижской фабрики¹⁵.

Сырье, разнообразные вспомогательные материалы и предметы, необходимые для производства, приобретались мануфактурой на стороне. Часть шерсти для выделки сукна, как отмечено в одной из записей ведомости, покупалась в окрестных (Несвижских) фольварках. Где и у кого была куплена другая, большая часть шерсти, в ведомости не указано. Можно, конечно, с уверенностью полагать, что и эта шерсть, так же как и большинство вспомогательных материалов и предметов, перечисленных в ведомости, например, подсолнечное масло «для шерсти», «сало» для красок, обручи для кадушек, лучины «для мастеров», покупались у крестьян близлежащих деревень. На каких условиях производилась покупка этих материалов, в какой мере она была обусловлена феодальной зависимостью крестьян от владельца мануфактур, нам неизвестно.

Наряду с материалами и предметами, которые приобретались в пределах вотчинного хозяйства, имелись и такие, которые скорее всего могли быть приобретены на городском рынке: сталь, гвозди для станков, масло.

Вероятно, на Несвижской мануфактуре использовались, помимо перечисленных в ведомости покупных материалов и предметов, также и такие, которые бралась из вотчинного хозяйства без всякой оплаты. Однако доля их вряд ли была сколько-нибудь значительной, за исключением, пожалуй, снабжения мануфактуры транспортом и дровами, хотя в ведомости отмечены отдельные выплаты также и за перевозки, а за покупку дров даже показана значительная сумма (285 злотых), уплаченная мастерам.

Мы не располагаем конкретными данными, куда направлялась продукция, вырабатывавшаяся Слуцкой мануфактурой. Однако судя по тому, что в 1776 г. эта мануфактура была полностью сдана в аренду¹⁶, можно

¹⁴ W. Kula. Указ. соч., стр. 60—61.

¹⁵ Там же, стр. 60.

¹⁶ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, л. 7430, л. 15.

с полным основанием утверждать, что ее продукция в основном выходила за пределы вотчинного хозяйства.

Сырье и другие необходимые для производства материалы и предметы в основном покупались. Перечень «приобретаемых материалов» имеется в расходной ведомости фабрики за 1760 год. Среди них есть такие, которые, вероятнее всего, покупались у крестьян окрестных деревень, например, дрова для отопления фабрики, доски, воск для вошения ниток, полотно для подшивки ливрей. Но большая часть материалов и вещей, указанных в расходной ведомости, несомненно, покупалась на рынке. В отношении «золота», «серебра» и ливрей для учеников прямо отмечается, что они покупались в лавках Несвижа и Слуцка. О покупке других материалов и предметов на рынке можно судить по самому их составу: шелк разных цветов, различные нити, полосовое железо, шапки и пояса для учеников, гвозди, стеклянные «бусы» для станков, мыло, стальные пилочки.

Продукция радзивилловских стекольных заводов уже по ограниченности ее использования на нужды княжеского двора должна была быть более товарной, чем продукция такого предприятия, как суконная фабрика. Так это и было в действительности. Данные инвентарей Налибокского стекольного завода второй половины XVIII в. дают возможность установить, что сумма его продукции, шедшей на удовлетворение потребностей княжеского двора, обычно была ниже суммы стоимости проданной продукции¹⁷. В инструкциях владельцев управляющим мануфактурой постоянно обращалось внимание на улучшение качества продукции, имея в виду ее сбыт, на быстрое и аккуратное обслуживание покупателей. Для лучшего сбыта изделий мануфактуры были выстроены специальные торговые склады в Вильно, Несвиже, Новогрудке, Белой, Биржае, на которые должен был завозиться товар в большом количестве в моменты наибольшего сбора в этих местах покупателей. В тех же целях разрешалась продажа мануфактурных изделий в кредит, отпуск их купцам и даже рабочим самой мануфактуры для распродажи на комиссионных началах¹⁸.

В отличие от Несвижской суконной фабрики и Слуцкой фабрики поясов, сырье и топливо, необходимые для стекольного производства, доставлялись из собственного вотчинного хозяйства: поташные заводы поставляли золу, из владельческих лесов доставлялось дерево¹⁹. Но несомненно, что некоторые материалы и предметы, нужные этой мануфактуре, хотя бы те, которые не могли быть получены в вотчинном хозяйстве, должны были также покупаться, притом в какой-то мере на городском рынке.

Характер рыночных связей другой, Уречской стекольной мануфактуры, принадлежавшей Радзивиллам, видимо, был во второй половине XVIII в. примерно таким же, как и Налибокской. В ведомости Минского губернского правления 1796 г. «О фабриках и мануфактурах» ежегодная продукция Уречской стекольной фабрики определялась в сумме 21 190 злотых, при этом указывалось, что она «выходит в продажу по губернии»²⁰. Вряд ли продукция этой фабрики, потреблявшаяся ежегодно княжеским двором, могла быть сколько-нибудь близкой по стоимости к той сумме, которую составляла продукция, шедшая на продажу.

На Уречской фабрике, помимо производства на сбыт, также выполнялись небольшие по объему работы на заказ. По данным прихода-расходной ведомости за 1795—1796 гг., на фабрике были выполнены «кузнечная» и «строительная» работы «посторонним» и ремонт зеркальных листов на общую сумму 436 злотых.

Судя по тому, что в расходной части ведомости отсутствует указание

¹⁷ В. Smoleńska. Указ. соч., стр. 85

¹⁸ Там же, стр. 84.

¹⁹ Там же, стр. 88—89.

²⁰ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦИАЛ), ф. 16, оп. 1, д. 9, лл. 2—7.

на покупку сырья и топлива для стекольного производства, можно полагать, что для Уречской фабрики, как и для Налибокского завода, они доставлялись из вотчинного хозяйства без оплаты. Однако и на этом предприятии необходимые для его работы различные вспомогательные материалы и предметы покупались. «Покупаемых материалов» в указанной ведомости перечислено свыше 20 названий на общую сумму 1 452 злотых 7 грошей, причем основную часть этой суммы составлял расход на покупку 11 камней и 13 фунтов селитры. Среди этих «материалов» преобладали такие, которые могли быть приобретены только на рынке: селитра, столярный клей, крахмал, соль, губки, медная и железная «жесть», «шнуры» и «струны» для станков, бумага, карандаши, сургуч, байка, напильники. Но имелись также и материалы, которые могли быть приобретены у своих же крестьян, например, полотно, говяжьи шкуры, сало, свечи, воск. Эти данные по аналогии подтверждают сделанное выше предположение о покупке Налибокской стекольной мануфактурой некоторых материалов, притом в значительной мере на городском рынке.

Следовательно, рассматриваемые предприятия со стороны их рыночных связей имели как общие, так и весьма различные черты. Общим для этих предприятий было то, что все они работали на удовлетворение потребностей вотчинного хозяйства и на сторону. Но если на Несвижской мануфактуре производство на нужды княжеского двора значительно превосходило производство на сторону, то на остальных трех мануфактурах обычно наблюдалось обратное явление. Видимо, здесь сказывалась большая и постоянно возобновлявшаяся потребность княжеского двора в сукнах. Специфика продукции этой мануфактуры, как и Слушкой, определяла и то большое место, которое занимало в их производстве выполнение работ по заказам.

Другой общей чертой была покупка различных вспомогательных материалов и предметов. Несвижская мануфактура могла приобретать и приобретала нужные ей материалы в вотчинах ее владельца, тогда как остальные предприятия покупали их главным образом на городском рынке. Зато, с другой стороны, Несвижская мануфактура работала на покупном сырье и топливе, в то время как стекольные заводы получали сырье без всякой оплаты из вотчинного хозяйства их владельца.

Для определения социально-экономической сущности рассматриваемых нами радзивилловских предприятий важнейшее значение имеет определение состава занятых на них рабочих и характера их эксплуатации.

Рабочие Несвижской суконной мануфактуры делились на две группы: занятых непосредственно работами по производству сукна и выполнявших различные вспомогательные работы. Работавшие на основном производстве в самой мануфактуре, в свою очередь, подразделялись на мастеров, их учеников (хлопцев) и прядильщиц.

Уже в первые годы существования этой мануфактуры на ней работало 9 мастеров: красильщик, стригач, сукновал и 6 ткачей, или «суконников». Позднее число мастеров увеличивается. В приходе-расходной ведомости Несвижской суконной фабрики 1767 г. называются уже 2 красильщика (Корн и Ярмакович) и 2 сукновала. Большинство мастеров, судя по их фамилиям, были местными людьми. Несколько мастеров были иностранцами. Были ли местные мастера крепостными князя или вольнонаемными, остается неясным. Известно лишь, что управляющему мануфактурой предписывалось держаться по отношению к мастерам «как наилучше», «со вниманием», чтобы привлечь их «к охотной работе»²¹.

Учеников в первые годы работы мануфактуры было 11 человек: 2 — при красильщике, 3 — при стригальном мастере и по одному — при каждом суконщике²². Судя по сумме заработной платы, выплаченной учени-

²¹ W. K u l a, Указ. соч., стр. 51.

²² Т а м же, стр. 52.

кам по ведомости 1767 г. (за 31 неделю — 930 злотых), можно считать, что к этому времени их число было не меньшим, если даже не большим.

По некоторым косвенным данным можно предполагать, что часть учеников набиралась из беднейших мещанских семей Несвижа. Остальные, видимо, были детьми княжеских крепостных. Только при этом становится понятным то особое внимание, которое управляющий мануфактурой обращал на обучение «хлопцев» мастерству с тем, «чтобы прибыль потом от них иметь»²³.

Самую многочисленную категорию рабочих мануфактуры составляли прядильщицы. Уже в первые годы работы мануфактуры их насчитывалось 37 человек. Из них 12, вероятно, были из самого Несвижа, а остальные 25 — из ближайших к нему деревень²⁴. Кроме перечисленных категорий рабочих, в ведомости Несвижской суконной мануфактуры 1767 г. была отмечена еще одна группа рабочих, непосредственно связанных с изготовлением сукна, — «люди фабричные», то есть подстригающие шерсть. Этим рабочим за 31 неделю было выплачено 634 злотых. Видимо, это были работницы, выделенные из состава прядильщиц для выполнения специально работ по стрижке шерсти.

Каким путем набирались рабочие, нам известно лишь в отношении прядильщиц. Они должны были поставяться населением окружающих деревень из числа девушек по принудительной разверстке, накладывавшейся княжеским двором на эти деревни. Первоначально прядильщицы сменялись поквартально, затем было намечено сделать их состав постоянным²⁵.

Помимо работ, связанных непосредственно с выделкой сукна на самом предприятии, в первые годы его существования шерсть дополнительно раздавалась для прядения по окрестным деревням. Выполнявшие эту работу получали за нее определенную плату²⁶. Однако в ведомости 1767 г. расходы на оплату за прядение шерсти вне мануфактуры не указаны.

Работы по строительству и ремонту помещений мануфактуры выполнялись крепостными крестьянами окольных сел в принудительном порядке, но по найму²⁷. Однако в ведомости 1767 г. оплата за такие работы, как и сами работы, не указана. Таким же образом обеспечивалась в основном потребность мануфактуры в перевозках²⁸, хотя в указанной ведомости отмечены отдельные выплаты за перевозку краски и сукна.

Вспомогательные работы, выполнявшиеся за плату, были немногочисленные и небольшие по объему. В ведомости 1767 г. отмечена оплата за ряд работ, выполнявшихся специалистами-ремесленниками: за заточку фабричных ножниц для стрижки, за ремонт и насадку щеток, за переделку малого котла — котельнику, за вмонтирование котла — каменщику, за ремонт окон — стекольщику. Другие вспомогательные работы, отмеченные в ведомости, хотя и не требовали применения квалифицированного труда, но также оплачивались. Например, помощь во время окраски сукна, перенос сукна на фабрику, выкачивание воды из колодца, наливка воды «к краскам», охрана склада сукна.

Из кого состояли лица, выполнявшие эти работы, в ведомости не указано. Можно предполагать, что работы, требовавшие применения квалифицированного труда, выполнялись в первую очередь вотчинными ремесленниками и отчасти ремесленниками Несвижа, как это было в первые годы существования мануфактуры²⁹. Простые работы выполнялись наемными рабочими, «нанятыми на время», сукно на фабрику переносил ученик.

Разные группы рабочих мануфактуры оплачивались различно. В ве-

²³ Там же, стр. 52—53.

²⁴ Там же, стр. 54.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 45.

²⁸ Там же, стр. 51.

²⁹ Там же, стр. 54—55.

мости конкретно указывается только оплата управляющему мануфактурой — 8 злотых в неделю и мастеру-красильщику Корну — 114 злотых в месяц «кормовых денег», мастерам-сукновалам — по 2 злотых в неделю. Кроме того, отмечено, что «фабричные люди», то есть стригущие шерсть, получали «кормовые деньги», а мастера-ткачи получали «за тканье поставов».

Более обстоятельные данные имеются об оплате рабочих Несвижской мануфактуры в первые годы ее существования. Тогда на ней применялись две системы денежной оплаты: повременная — «кормовая», обычно понедельная, и сдельная — «от поставов». По первой оплачивались управляющий, писарь, красильщик и стригач, ученики этих мастеров и прядильщицы. По второй — мастера-ткачи вместе со своими учениками. По той и другой системе рабочие получали заработную плату только в деньгах, за исключением 25 прядильщиц (из 37), плата которым в основном состояла в выдаче им ординария, то есть определенного количества продуктов питания (ржи, ячменя, солонины и соли)³⁰.

Рабочие мануфактуры получали различную заработную плату. Необычайно высокую плату по сравнению с другими мастерами и даже по сравнению с управляющим получал иностранный мастер-красильщик Корн, работавший по особому контракту. В несколько раз меньше, как видно по данным первых лет существования мануфактуры, получал другой иностранный мастер, стригач, — 6 злотых 10 грошей в неделю. Ученики стригача и красильщика получали по 2 злотых в неделю; столько же получали сукновалы. Мастер-ткач при сдельной работе получал от каждого вытканного постава вместе со своими учениками 5 злотых, а когда получал кормовые деньги, то 2 злотых в неделю³¹. Плата, получаемая учениками мастеров-ткачей при оплате «от поставов», по расчетам В. Куля, составляла не более $\frac{1}{2}$ злотого в неделю³². Однако, по приведенным выше данным ведомости 1767 г., оплата их не могла быть такой низкой, она скорее приближалась к 2 злотым в неделю.

Полагая, что число «фабричных людей» в 1767 г. было не намного больше указанного выше числа прядильщиц в первые годы работы мануфактуры (37 чел.), получаемую ими заработную плату можно считать равной примерно одному злотому в неделю (им было выплачено за 31 неделю около 1 500 злотых). По какой системе оплачивался их труд, можно определенно сказать лишь в отношении «стригших шерсть»; они получали «кормовые деньги». Оплата прядильщицам производилась «за пряжу шерсти», то есть, видимо, была сдельной.

Не совсем ясным остается вопрос, сохранялась ли в конце 60-х годов XVIII в. оплата части «фабричных людей» в основном продуктами питания, как это было в первые годы работы мануфактуры, или все они получали заработную плату уже только деньгами. Однако, судя по тому, что уже в середине 50-х годов намечалась замена временных прядильщиц, получавших ординарий, постоянными, а также по тому, что об ординарии в ведомости нет никаких упоминаний, его выдача, видимо, к концу 60-х годов уже и не производилась.

Несколько меньшими данными о составе и оплате рабочих мы располагаем по Слуцкой персидской фабрике. В ее расходной ведомости за время с мая по август 1760 г. перечислено всего лишь 5 отдельных выплат за работы, непосредственно связанные с производством мануфактуры, 3 выплаты за «рисование орнаментов и концов для поясов» в общей сумме около 34 злотых, одна выплата за «рисование ткани» — 5 злотых и одна выплата позументщику «за вязание бахромы» — около 4 злотых. Остальные выплаты произведены за работы по ремонту оборудования и рабочих помещений: токарю (или токарям) за шары для «стамбульского» станка,

³⁰ Там же, стр. 55.

³¹ Там же, стр. 55—56.

³² Там же, стр. 56.

за прялку, за изготовление 800 колышков и 30 шаров для «стамбульского» и «персидского» станков — на общую сумму около 21 золотого, столярю (или столярам) за укрепление стеклянных «бус» на станке и за переделку станка — около 11 золотых, токарю и столярю «за прялку» — 10½ золотых, столярю за «переделку станков» и плотникам за установку наличников на 4 окнах — 9 золотых, за изготовление этих же наличников плотникам — 2 золотых, за перегородку комнаты и за доски для нее мастеру — 29 золотых, кузнецу за «шкворни» для прялок — 2 золотых, за работы из полосового железа и за самое железо «ремесленнику» — 31 золотый, за изготовление свечей со стоимостью использованного для этого материала — 34 золотых.

Судя по этим выплатам, произведенным за 4 месяца, можно предполагать, что все перечисленные в расходной ведомости работы выполнялись не постоянными рабочими мануфактуры, а привлеченными со стороны ремесленниками. Такое предположение подтверждается еще тем, что в сведениях о Слуцкой фабрике за 1807 г.³³ среди постоянных рабочих, занятых непосредственно выработкой поясов и тканей, назван только один столяр. В тех же сведениях отмечено, что «шнуры» для поясов делает «здесьний позументщик», который получает плату «от фунта».

О размерах выплаты рабочим, занятым на основном производстве мануфактуры, в расходной ведомости 1760 г. имеются данные только в отношении 9 учеников и 2 подмастерьев. В ней указано, что за время со 2 октября 1759 г. по 24 августа 1760 г. 6 ученикам было уплачено за 36 недель кормовых денег по 2 золотых в неделю, 2 ученикам за 19 недель — 76 золотых, еще одному с 10 по 24 августа — 4 золотых, то есть также по 2 золотых в неделю. Двум подмастерьям было выплачено за время с 20 апреля по 24 августа по 4 золотых в неделю. Что касается оплаты рабочих-подмастерьев, занятых в основном производственном процессе мануфактуры, то о них в расходной ведомости 1760 г. ничего не сказано. Сведения об этом лишь самого общего характера мы находим в уже упоминавшемся договоре 1776 г. о сдаче Слуцкой фабрики в аренду управляющему пану Я. Мадзарскому. По этому договору, арендатор обязывался платить рабочим кормовые деньги регулярно, «согласно степени их мастерства»³⁴. В этом договоре имелось два пункта, дающих представление о составе рабочих на Слуцкой мануфактуре. По первому из этих пунктов арендатор обязывался при замене рабочих принимать на работу «только господских поданных», трезвых и «не вызывающих подозрений». По другому пункту он должен был находящихся у него в обучении «людей (господской) казны выучить делу в совершенстве». Отсюда видно, что кадры рабочих для мануфактуры подбирались из различных категорий людей, феодально зависимых от ее владельца («поданных»), но не обязательно из крепостных («людей казны»).

Наиболее полные сведения о составе рабочих и оплате их труда имеются в отчете за 1765 г. управляющего Налибокским стекольным заводом. Квалифицированные рабочие на этом предприятии состояли из гутников — 7 человек мастеров и учеников (по одному у каждого), рисовальщиков — 8 человек, шлифовщиков — 5 человек, одного мастера по изготовлению «листов» и при нем ученика, 2 заводских кузнецов с учениками при каждом, 3 столяров, 2 слесарей, заводского токаря и 2 поташников. Остальные рабочие выполняли работы, не требующие особой квалификации. Из таких рабочих в отчете названы 4 истопника, один размельчающий глину, один размельчающий «смесь», один возчик дров и присматривающий за лошадьми.

В отчете Налибокской мануфактуры в отношении большей части мастеров дополнительно указывается, откуда они. Из этих данных следует, что из 24 человек 10 были из Налибок, остальные из близлежащих дере-

³³ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 89.

³⁴ Там же, л. 15.

вень: из Прудов — 5 человек, Янкович — 3 человека, Огородник — 2, из Нивок — 1, Нестерович — 1, Нигневич — 1 и из Деревной — 1. Местожителство этих рабочих в селах, принадлежавших Радзивиллам, дает основание считать их феодально зависимыми людьми.

На Налибокской мануфактуре, как и на вышеописанных предприятиях, существовали различные системы оплаты. Мастера-гутники и мастер по изготовлению «листов» получали сдельно определенную сумму «от копы», то есть от числа произведенных изделий. Рисовальщики и шлифовщики, за исключением двух мастеров той и другой специальности, как указывалось в отчете, должны были довольствоваться оплатой в размере «третьей части» от выработанной «штуки» (видимо, от стоимости изготавливаемых ими изделий). Один рисовальщик, один шлифовщик, ученики гутников и мастера, изготавливающего «листы», поташники, истопники, рабочие, размельчающие «смесь» и глину, и возчик получали временную оплату помесечно или понедельно. Выполнение мастерами каких-либо чрезвычайных работ оплачивалось дополнительно. Так, за устройство новой «плавильной печи» было уплачено мастерам-гутникам и их помощникам 24 злотых.

Не получали денежной платы, видимо, работая только в порядке выполнения повинности и не постоянно, — столяры, токарь и кузнецы с их учениками.

Рабочие мануфактуры обычно в порядке оплаты за их работу получали также в пользование земельные участки, причем рисовальщики и шлифовщики пользовались «вольными землями». Не показаны в отчете земельные участки только у тех, кто получал помесечную плату (за исключением одного гутника). Большинство земельных участков было в $\frac{1}{2}$ волоки. Только поташники, токарь и один из истопников имели участки в $\frac{1}{4}$ волоки.

Более разнообразной была денежная плата. Все гутники получали по 20 грошей от копы, за исключением одного мастера, который делал «самые трудные изделия и обучал других» и потому получал от копы по 25 грошей. Столько же получал и мастер по изготовлению «листов». Из получавших помесечную плату «слесарный мастер» получал 12 злотых, просто «слесарь» 8 злотых, рисовальщик 10 злотых, шлифовщик 12 злотых, рабочий, размельчавший глину, и возчик получали по 8 злотых в месяц, ученикам также платили по 8 злотых в месяц (то есть по 2 злотых в неделю).

Если на Налибокской гуте подавляющее большинство рабочих получало за свой труд денежную оплату, то различные вспомогательные работы, как вырубка леса и выпаливание золы, их доставка, транспортировка готовых изделий и другие, выполнялись крепостными крестьянами полностью в порядке барщины³⁵.

Следует отметить, что описанная система оплаты рабочих на Налибокской мануфактуре была установлена не сразу. В 30—40-х годах XVIII в. на ней применялась наряду с денежной оплатой также выдача ординария³⁶.

Привлечение крестьян к работам по обслуживанию гуты осуществлялось двумя путями. Во-первых, к ней были прикреплены для отбывания барщины крестьяне деревень Налибоки и Нивки. По данным инвентарей этих деревень 1789 г., крестьяне Нивок обязаны были отработать в течение года в порядке обслуживания гуты 1454 дня «пеших», крестьяне Налибок — 1872 дня «упряжных». Кроме повинностей этих деревень, еще 11 деревень, часть которых даже не принадлежала к Налибокскому фольварку, должны были в порядке обычной барщины доставлять на гуту определенное количество дерева и золы³⁷.

³⁵ В. S m o l e ŋ s k a. Указ. соч., стр. 88.

³⁶ Там же, стр. 87.

³⁷ Там же, стр. 88.

По Уречской зеркальной фабрике мы располагаем ведомостями оплаты за 1745 и 1795—1796 годы. За время, прошедшее между составлением обеих ведомостей, в составе рабочих произошли большие изменения. Если в первой ведомости названо 6 иностранных мастеров, получавших во много раз большую денежную оплату, чем местные мастера, то во второй ведомости иностранных мастеров уже нет. В «тарифе» 1745 г. на Уречской мануфактуре отмечены следующие группы рабочих: гутники (17 человек), шлифовщики (14), полировщики (10), отделяющий зеркала и при нем 3 подмастерья, столяр с 2 подмастерьями, рисовальщик, кузнец, каменщик, помощник строителя, наждачницы, работники-батраки (рагобсу) на лесопильне (2 человека) и конюшне (13 человек). По «Ведомости» 1795—1796 годов распределение рабочих по специальностям представляется уже несколько иным. В ней отмечены: гутники (20 человек), рисовальщики (8), шлифовщики (7), полировщики (3), каменщики (4), отделяющие зеркала (2), слесари (2), кузнецы (2), столяры (2), наждачник и поташник.

Денежная оплата рабочих за время, прошедшее между составлением обеих ведомостей, в самом ее принципе мало изменилась. В первой ведомости она полностью была повременной из годового расчета, во второй — к такой же оплате добавилась еще оплата гутникам сверх их оклада небольшой суммы от выработки — «от копы» (465 злотых на 21 человека).

Но если в расходной ведомости 1795—1796 гг. показана только выдача денежной платы рабочим, то в ведомости 1745 г. указана еще и выдача ординария: иностранным мастерам — двум, а из местных рабочих — почти всем, за исключением только каменщика и женщин «наждачниц», по-видимому, не являвшихся постоянными рабочими мануфактуры. Наиболее распространенным был следующий ординарий: ржи — 3 корца и 6 осьмин, ячменя — 1 корец и 2 осьмины, гречихи — 5 осьмин, гороха — 2 осьмины и 4 гарнца, соли — 3 гарнца. Такой ординарий получали все гутники, семейные шлифовщики и полировщики, семейные ученики иностранных мастеров, десятник работников на конюшне. Несколько больший (но неодинаковый) ординарий получали иностранные мастера, немногим меньший (также неодинаковый) — холостые мастера-шлифовщики, холостые ученики иностранных мастеров и работники-батраки на конюшне, в кузнице и на лесопильне. Используя имеющиеся в нашем распоряжении данные о цене продуктов, выдававшихся в порядке ординария во второй половине XVIII в. дворовым людям (челядникам) в фольварке «Высоцком» Пинского повета (принадлежавшем «Пинским иезуитам») ³⁸, мы можем установить, что стоимость указанного ординария, получаемого рабочими Уречской мануфактуры, равнялась примерно 50—70 злотым.

Денежная оплата рабочих по сравнению с ординариями была сильно дифференцирована. Так, все иностранные мастера получали плату в разном размере — от 400 до 1 360 злотых в год. Из местных мастеров рисовальщики и кузнец получали по 156 злотых в год, «помощник строителя» — 97 злотых, среди гутников 4 получали по 76 злотых, 2 — по 60 злотых, 1—45 злотых, 4 (кочегары) — по 40 злотых, 3 (носящие дрова) — по 37 злотых, 1 (штукатур) — 45 злотых в год; шлифовщики «в мельнице» (женатые) получали: 5 человек по 60 злотых, 2 — по 45 злотых, шлифовщики (сугатów) 1 (женатый) — 76 злотых, 1 (неженатый) — 45 злотых и 2 (неженатых) — по 33 злотых, шлифовщики граней (женатые) 1—60 злотых и 1—45 злотых, полировщики (все женатые) 5 — по 60 злотых и 5 — по 45 злотых. Ученикам платили: иностранного мастера по отделке зеркал (женатому и неженатому) — по 76 злотых, иностранного мастера столяра (женатому) — 60 злотых и неженатому — 45 злотых. Заметно меньше получали работники в кузнице, на лесопильне (2 че-

³⁸ Филнал Центрального исторического архива БССР, ф. 513, оп. 1, д. 68. Инвентарь фольварка «Высоцкого» за 1773—1774 годы. Документ предоставлен старшим научным сотрудником Института истории АН БССР Е. П. Шлосбергом.

ловека) — по 32 злотых, работники на конюшне (12 человек) — по 33 злотых и их десятник — 37 злотых. Не получавшим ординарий было уплачено за год: каменщику — 156 злотых, наждачницам всем вместе — 600 злотых.

При сравнении размеров выдаваемого рабочим ординария и получаемой ими денежной платы можно заметить, что первый находился в зависимости главным образом от семейного положения рабочего, а вторая — от его специальности и мастерства.

Однако во второй половине XVIII в. на Уречской фабрике вряд ли сохранялась описанная система оплаты рабочих. По аналогии с изменениями, происшедшими в оплате рабочих на Налибокском стекольном заводе, можно предполагать, что с 60-х годов и на этой мануфактуре рабочим выдавалась только одна денежная плата. При этом денежная плата, судя по данным ведомости 1795—1796 гг., резко возросла и стала еще более дифференцированной. В это время рисовальщики уже получали: 3 — от 210 до 288 злотых (все разное), 3 — по 132 злотых, 2 — по 126 злотых, шлифовщики получали от 144 до 288 злотых, причем только 2 получали одинаково — по 210 злотых, гутники (20 человек) получали от 132 до 240 злотых, из них одинаковую плату — по 144 злотых — получали только 8 человек, слесари (2 человека) и кузнецы (2 человека) получали от 222 до 240 злотых, каменщики (4 человека) от 120 до 234 злотых, поташник и 2 столяра — по 144 злотых.

Из приведенных данных по всем рассматриваемым мануфактурам о составе занятых на них рабочих видно, что почти на всех этих мануфактурах имелись три основные категории рабочих: постоянные кадры квалифицированных мастеров и их учеников, неквалифицированные рабочие или батраки («паробки») и ремесленные мастера, привлекавшиеся для выполнения отдельных вспомогательных работ, обычно по ремонту оборудования и помещений мануфактуры. Только на Слуцкой фабрике поясов в использованных нами источниках не была отмечена категория неквалифицированных рабочих, что, вероятно, объясняется спецификой этого производства.

Среди рабочих-мастеров особую, но немногочисленную прослойку составляли иностранные специалисты-ремесленники. В основной же своей массе мастера и их ученики состояли из «подданных» Радзивиллов, то есть феодально зависимых в какой-то степени от них людей, в том числе и крепостных («людей казны»). Неквалифицированные рабочие, составлявшие значительную часть рабочих на мануфактурах, несомненно, являлись крепостными людьми их владельца. Незначительное число мастеров, привлекавшихся к отдельным вспомогательным работам, также, видимо, состояло из различных категорий «подданных» Радзивиллов — либо из их дворовых ремесленников, либо из ремесленников, живших в принадлежащих им городах и местечках.

Основная масса людей, работавших на мануфактурах, являлась постоянными их рабочими. Исключение составляла лишь Несвижская суконная фабрика, на которой большая часть рабочих, состоявшая из прядильщиц, выполнявших работу, не требующую особого обучения, периодически сменялась в порядке выполнения феодальной повинности. Однако к 60-м годам XVIII в. и на этой мануфактуре временные рабочие заменяются постоянными.

На рассмотренных мануфактурах все рабочие, за крайне редким исключением, получали за свой труд денежную плату. Наряду с денежной оплатой многие из постоянных рабочих на Налибокском стекольном заводе получали в пользование земельные участки: на Уречской зеркальной фабрике рабочие в 40-х годах XVIII в. получали ординарий. Это дает основание предполагать, что и рабочие Несвижской мануфактуры, и Слуцкой, и Уречской во второй половине XVIII в. также имели, кроме денежной оплаты, какое-то еще иное вознаграждение, о котором умалчивают используемые по данным предприятиям источники, касающиеся преимуще-

ственно их денежных расчетов. Вероятнее всего, это вознаграждение выражалось в предоставлении рабочим земельных участков или по крайней мере в превращении занимаемых ими земельных участков в «вольные земли», то есть освобожденные от всех других повинностей, кроме работы на мануфактуре, как это имело место в отношении группы рабочих на Налибокском заводе.

Денежная оплата на мануфактурах выдавалась рабочим с учетом стимулирования их труда. Это обеспечивалось главным образом сдельной заработной платой, выдававшейся на Налибокской и Несвижской мануфактурах большей части работавших на них мастеров, а на последней — еще и малоквалифицированным прядильщицам. При повременной оплате мастеров также осуществлялся принцип стимулирования труда. Кормовые деньги выдавались рабочим в соответствии со степенью их квалификации.

При наличии наряду с денежной оплатой других видов вознаграждений, получаемых рабочими за их труд, естественно, возникает вопрос, каково было значение денежной оплаты, каково было ее реальное содержание. По имеющимся материалам можно установить, что минимальная заработная плата, которую получали постоянные рабочие мануфактуры, обеспечивала в какой-то мере лишь их индивидуальный прожиточный минимум. Вывод этот можно сделать уже из самого названия повременной оплаты рабочих на мануфактурах — «кормовые деньги» («strawne»), а также из того, что работавшие на различных мануфактурах ученики, если им платили только деньгами, получали всюду одинаковую плату — по 2 злотых в неделю, не считая выдававшейся им одежды, как это было на Слуцкой мануфактуре. Такую же плату получали при повременной оплате мастера-ткачи на Несвижской мануфактуре, столько же платили мастерам, получавшим кормовые деньги помесечно на Налибокской мануфактуре. 2 злотых в неделю представляли плату, обеспечивавшую в какой-то мере индивидуальный прожиточный минимум рабочего. В подтверждение этого укажем, что плата, получаемая во второй половине XVIII в. в Белоруссии подмастерьями, работавшими у городских ремесленников, была даже меньше этой суммы. Например, по договору, заключенному в 1789 г. в Минске между мастером слесарного цеха мечником Яном Погоским и нанимаемым им на год подмастерьем Яном Злуцким, последнему устанавливалась годовичная плата деньгами — 17 руб. и 2 сабли по 18 злотых³⁹. Таким образом, общая годовая оплата подмастерья определялась в 72 злотых, то есть в $\frac{1}{2}$ злотого в неделю⁴⁰. Однако при этом надо иметь в виду, что подмастерье обычно питался у хозяина. Немногим больше чем 2 злотых в неделю, или 96 злотых в год, составляло в денежном выражении общее вознаграждение, которое получали дворовые люди в белорусских феодальных фольварках во второй половине XVIII века. Например, в фольварке «Высоцком», Пинского повета, по данным его инвентаря за 1773—1774 гг., годовое содержание пастуха составляло в общей стоимости 115 злотых. Оно складывалось из 10 злотых, выплачиваемых деньгами, из выдаваемых — ординария, оцениваемого в 63 злотых, и одежды, оцениваемой в 42 злотых.

Принимая заработную плату в 2 злотых в неделю (8 злотых в месяц, 96 злотых в год), получаемую всюду учениками, как обеспечивающую самое большее индивидуальный прожиточный минимум рабочего, можно заметить, что на Несвижской мануфактуре мастера-ткачи получали немногим больше этого минимума, а прядильщицы — значительно меньше. На Слуцкой мануфактуре подмастерья получали вдвое больше. Видимо, немногим больше, чем подмастерья, получали мастера. На Налибокской мануфактуре денежная плата рабочим-повременникам колебалась от 2 до $1\frac{1}{2}$ злотых в неделю. Вряд ли намного большей была и плата, получаемая сдельщиками, которые «должны были довольствоваться» третьей

³⁹ Беларускі архіў. Т. 3. Менск. 1931, стр. 351—352.

⁴⁰ Злтый того времени равнялся примерно 65 копейкам.

частью «от штуки», судя по самой этой формулировке их оплаты; на Уречской зеркальной фабрике, когда наряду с денежной платой рабочим выдавался ординарий на сумму около 50—70 злотых (за исключением, конечно, иностранных и нескольких местных мастеров), то им платили деньгами значительно меньше 2 злотых в неделю: квалифицированным рабочим — от 40 до 76 злотых, неквалифицированным — от 32 до 40 злотых. Когда же выдача ординария была отменена, им платили уже значительно больше этого минимума (от 126 до 288 злотых в год).

Следовательно, денежная заработная плата, получаемая рабочими на радзивилловских мануфактурах, не в полной мере обеспечивала их существование. Основную или по крайней мере значительную часть их прожиточного минимума, обеспечивающего воспроизводство рабочей силы, большинство семейных рабочих мануфактур должно было получать от пользования земельными участками. Лишь небольшая группа наиболее квалифицированных мастеров, главным образом на Слуцкой и Уречской мануфактурах, получала денежную плату, которая могла в основном обеспечить прожиточный минимум рабочего вместе с его семьей.

На основе приведенных конкретных данных о вотчинных мануфактурах Белоруссии второй половины XVIII в. попытаемся теперь определить их социально-экономическую сущность.

Это определение в первую очередь зависит от того, что будет избрано для него в качестве основного критерия. Сейчас уже нет необходимости останавливаться на различных точках зрения по этому вопросу, имеющих в советской исторической литературе, поскольку можно считать вполне утвердившимся положение о том, что социально-экономическая сущность мануфактуры определяется прежде всего характером используемой на ней рабочей силы и способом ее эксплуатации.

Мы считаем также правильным положение, согласно которому определение социально-экономической сущности крепостной мануфактуры не должно быть двойственным. Не следует рассматривать ее как особую «промежуточную», «переходную» или «гибридную» форму, не относящуюся ни к феодальному, ни к капиталистическому способам производства⁴¹. Попытки известного современного исследователя польской мануфактуры XVIII в. В. Куля решить вопрос о социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры прежде всего в зависимости от того, в какой степени она работала на удовлетворение хозяйственных потребностей ее владельца и в какой степени на сбыт, следует считать совершенно несостоятельными⁴².

При таких исходных позициях все рассмотренные нами вотчинные мануфактуры, как базирующиеся на использовании крепостных и иных феодально зависимых от владельца мануфактуры людей, со всеми вытекающими отсюда основными чертами их производства, должны быть безусловно отнесены к феодальным, или крепостным, предприятиям.

Однако, поддерживая такое общее определение характера вотчинной мануфактуры, мы не можем согласиться с тем, что в ней не имелось никаких «элементов капитализма»⁴³, что вотчинная мануфактура являлась лишь «придатком к помещичьему крепостному хозяйству»⁴⁴, «разновид-

⁴¹ См. Б. Яковлев. Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 99; Б. Н. Васильев. Об экономической природе посессионных мануфактур. «Вопросы истории», 1955, № 7, стр. 91.

⁴² W. Kul a. Указ. соч., стр. 60.

⁴³ И. В. Кузнецов. К вопросу о характере дореформенной мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 64; П. И. Михайлов. О возникновении капиталистической мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 75.

⁴⁴ Н. Л. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке. «Ученые записки» МГУ. Вып. 87, 1946, стр. 112.

ностью» феодального поместья⁴⁵, что затрата на нее средств была аналогична покупке имения и крепостных для ведения барщинного хозяйства, а работа на ней была выполнением «типично феодальных повинностей»⁴⁶, «разновидностью стародавних барщин», или «новым видом барщины», «своеобразной барщиной»⁴⁷.

Следует отметить, что, как мы видели на примере радзивилловских предприятий, при господствующем применении на вотчинной мануфактуре труда крепостных людей в какой-то мере использовался также вольнонаемный труд (иностранцы ремесленники) и труд людей, находившихся в весьма слабой зависимости от владельца мануфактуры (из числа «подданных»), в том числе и городских жителей. Одно это обстоятельство уже указывает на наличие определенных элементов капитализма в вотчинной мануфактуре, выделяет ее из остального крепостного поместья.

Еще более важное значение для некоторого отделения вотчинной мануфактуры от остального хозяйства феодального поместья имеет тот способ эксплуатации рабочих, какой мы наблюдали на рассмотренных выше вотчинных предприятиях Белоруссии во второй половине XVIII века. Можно ли его считать «типично феодальным», разновидностью «стародавней барщины»? На наш взгляд, для этого нет никаких оснований.

Для барщинных работ было характерным то, что они являлись типично феодальной повинностью. Сущность барщинного хозяйства, как известно, В. И. Ленин видел в том, что при нем феодал присваивал продукт труда крестьян, имевших свое содержание от надела земли, принадлежавшего феодалу, которые обрабатывали барскую часть земли тем же инвентарем, каким обрабатывали и свои наделы. В числе «необходимых условий» барщинного хозяйства Ленин называл: его натуральность, наделение непосредственного производителя средствами производства, личную зависимость крестьянина от помещика, рутинное состояние техники⁴⁸.

Как мы видели на радзивилловских мануфактурах, все их оборудование, весь их «инвентарь» принадлежал не непосредственным производителям, работавшим на этих мануфактурах, а их владельцу. Такое явление, несомненно, уже не было «типично феодальным», оно явно нарушало одно из существенных условий барщинного хозяйства.

Представление о вотчинной мануфактуре как предприятии, ничем не отличающемся от остального хозяйства феодального поместья, доказывается тем, что на ней якобы основную рабочую силу составляли сменяющие друг друга крестьяне, привлекаемые на работу в порядке выполнения феодальной повинности⁴⁹. Из рассмотренных вотчинных мануфактур такое положение имело место лишь в отношении прядильниц на Несвижской суконной мануфактуре, и то только в первые годы ее существования. На всех остальных мануфактурах, где больше было работ, требовавших применения квалифицированного труда, основной состав рабочих был постоянным.

На упомянутых выше вотчинных мануфактурах почти все рабочие, как постоянные, так и временные, получали за свой труд определенное денежное вознаграждение, причем денежная плата была дифференцированной, с учетом стимулирования труда рабочих, а на многих работах даже применялась сдельщина. Хотя денежная оплата неквалифицированных рабочих, учеников и даже некоторых мастеров на этих мануфактурах могла обеспечить их существование не в полной мере и основным источником получения ими прожиточного минимума было пользование земельными

⁴⁵ Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М. 1956, стр. 329.

⁴⁶ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 66.

⁴⁷ Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 329; Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 112; Б. Яковлев. Указ. соч., стр. 98.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 157—159.

⁴⁹ Б. Яковлев. Указ. соч., стр. 98; И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 66.

участками, принадлежавшими владельцу мануфактуры, все же выплата денег за труд, несомненно, была явлением, не характерным для феодальных методов эксплуатации. Тем более выходила за пределы феодальных методов эксплуатации денежная оплата квалифицированных рабочих, которая обеспечивала в какой-то мере прожиточный минимум не только их самих, но и их семей. Как указывал В. И. Ленин, даже при обработке крестьянином помещичьей земли своим инвентарем получение им денежной платы хотя и не меняло сущности барщинной системы, но все же нарушало одно из условий этой системы — натуральность хозяйства⁵⁰.

Для признания социально-экономического строя предприятия капиталистическим решающее значение имеет применение на нем труда вольнонаемных рабочих. Нельзя при этом не учитывать того, что только высшая стадия капитализма «создает совершенно экспропрированного, свободного, как птица, рабочего». В ранний же период развития капитализма для мануфактурного рабочего была еще характерна связь с землей⁵¹. Он «живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем»⁵².

Данная выше характеристика положения рабочих на рассмотренных нами белорусских мануфактурах во второй половине XVIII в. показывает, что оно заметно отличалось от положения дворовых людей того времени. Если индивидуальный прожиточный минимум мануфактурного рабочего обеспечивался в значительной мере денежной платой, то в содержании дворового человека она составляла лишь незначительную долю. Таким образом, имеющееся, несомненно, сходство в положении рабочих вотчинной мануфактуры и дворовых людей никак нельзя доводить до полного равенства⁵³.

Рассматривая радзивиловские мануфактуры, мы установили, что все они представляли несравненно более крупные промышленные предприятия, чем ремесленные мастерские, по числу занятых на них рабочих и по стоимости производимой продукции. Производственный процесс на каждой из этих мануфактур делился на ряд операций, выполнявшихся мастерами различных специальностей, иначе говоря, он был построен на принципе разделения труда. Наконец, все эти мануфактуры работали не только на их владельца, но и на сбыт, причем на некоторых предприятиях стоимость продукции, шедшей за пределы вотчинного хозяйства, превышала стоимость продукции, потреблявшейся в нем самом. Многие вспомогательные материалы, а иногда даже сырье покупались мануфактурами.

Естественно, возникают вопросы, имеют ли какое-нибудь значение все эти черты, присущие вотчинным мануфактурам, для определения их социально-экономического строя, выделяют ли они вотчинную мануфактуру в какой-либо мере из «типичного» феодального хозяйства? Сторонники определения вотчинной мануфактуры как феодального предприятия на эти вопросы отвечают отрицательно.

Технический уровень производства и разделение труда некоторыми из них вовсе исключаются из явлений, характеризующих социально-экономический строй крепостных мануфактур⁵⁴, хотя для этого нет никаких оснований. Как указывал Ф. Энгельс, «разделение труда и соединение в одной мануфактуре многих рабочих, исполняющих частные производительные функции», представляли собой «новые, выдвинутые буржуазией производительные силы»⁵⁵.

Связи вотчинной мануфактуры с рынком хотя и признаются таким явлением, которое подготавливало «крушение крепостных форм производ-

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 161.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 418.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 326.

⁵³ См. Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 352; его же. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 85.

⁵⁴ См. И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 61.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 670.

ства», но при этом делается оговорка, что «это происходило далеко не сразу»⁵⁶, и, таким образом, вопрос о значении рыночных связей мануфактуры в определении ее социально-экономической сущности снимается. Здесь явственно выступает односторонний подход к решению этого вопроса, при котором для характеристики капиталистического производства берется только один его признак — применение наемной рабочей силы.

Безусловно, это важнейший и решающий признак капитализма, но кроме него, как известно, В. И. Ленин отмечал и другой «существенный признак», который он формулирует так: «товарное производство, как о б щ а я форма производства»⁵⁷. Если не считаться с этим признаком капитализма, то тогда надо будет признать капиталистическими предприятия те редко, но все же встречавшиеся в действительности вотчинные промышленные заведения, на которых использовался труд вольнонаемных рабочих, хотя они были небольшими по своим размерам и всецело обслуживали только потребности их владельцев, что явно не вяжется с марксистским понятием капиталистического производства.

Если же учитывать этот признак капитализма, то в таких отмеченных выше чертах вотчинной мануфактуры, как частичное применение на ней труда вольнонаемных или находившихся в весьма слабой зависимости от владельца мануфактуры людей, принадлежность всего «инвентаря» мануфактуры ее владельцу, выдача на ней рабочим денежной заработной платы с учетом стимулирования их труда, относительно крупный размер самого предприятия и разделение труда на нем, значительность и разнообразие его рыночных связей, нельзя не видеть определенных элементов развивающегося капитализма или, по крайней мере, известных капиталистических тенденций. Наличие в вотчинной мануфактуре таких черт несколько не противоречит определению ее в принципе как феодального предприятия.

При таком понимании характера вотчинной мануфактуры, естественно, нельзя согласиться и с утверждением о том, что крепостная мануфактура не имела никакого значения в развитии капиталистического производства, поскольку при своем существовании являлась для него «чужеродным телом», а затем была «вытеснена» капиталистической мануфактурой⁵⁸, или что ее значение сводилось лишь к «порождению» мелкотоварного производства, «ведущего к капитализму»⁵⁹.

При выяснении значения вотчинной мануфактуры в развитии капиталистического производства нельзя не учитывать того, что в ней находил свое проявление рост общественного разделения труда, который, как указывал В. И. Ленин, «является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма»⁶⁰. Указанные выше черты крепостной мануфактуры в своем развитии подтачивали феодальный способ производства, подрывали необходимые условия его существования. Само вытеснение вотчинной мануфактуры капиталистической неправильно представлять происходившим вне всякой связи между этими видами промышленного производства. Капиталистическая мануфактура, вытесняя вотчинную, крепостную промышленность, использовала созданные в последней новые производительные силы, развивавшиеся в ней капиталистические тенденции. Иногда же это «вытеснение» выражалось в прямой сдаче феодальном своему предприятию купцу, который перестраивал его организацию уже на капиталистической основе.

⁵⁶ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 68.

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 417.

⁵⁸ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 60, 64.

⁵⁹ П. И. Михайлов. Указ. соч., стр. 75.

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 16.